

ГОВОРЯТ, когда поет Гулу Аскеров, — замолкают птицы. Впрочем, его песни, будто сотканные из жемчуга, сами похожи на птиц, летящих высоко в небе и не знающих, где им опуститься. Песни Гулу о белых, как снег, хлопковых полях, косящихся хлебных полях, вольных ветрах гор и бурных реках теснин, песни о солнце, любви, радостях и печалях земли... И где бы он ни исполнил свои лирические песни на слова Самеда Вургун, Мамеда Рагима, Наби Хазри, Халила Рзы, Тофика Байрамова, мугамы «Баяты Шираз», «Раст», «Сейгах», «Шур» — в концертных ли залах Москвы, Ленинграда и Баку, на праздниках ли урожая в Ленкорани, Сальянах и Кубе, дома или в гостях, — он поет их, словно первый раз в жизни, наполняя сердца слушателей добрыми чувствами, а головы — хорошими мыслями. Минувшей осенью в Ахсу, тоже на празднике урожая, мне довелось услышать одну его такую песню-мугам «Баяты Каджар» на слова Низами. Гулу пел, а горное эхо на тысячи голосов земли и неба вторило словам этого мугама и серебристым звукам старинного тара, пойманной птицей трепещущего в руках певца.

Игра на таре, песни — отнюдь не забава для него, а труд. В труде рождается и зреет песня — это с детства освоил Гулу Аскеров, ныне популярный исполнитель мугамов и народных произведений, лауреат многих республиканских и все-союзных конкурсов. И еще, он верен до конца остался заветам своего любимого учителя, большого мастера Хана Шушинского: если хочешь, чтобы песню тара полюбил народ, постарайся вложить в каждую его струну всю свою душу, боль сердца, все свои помыслы и грезы. А потому — пой! Всегда играй, пой! Каждый день, утром и вечером, зимой и летом. Только тогда научишься петь, как когда-то пели великие Абдул Баги, Джаббар Карягды, Сеид Шушинский...

И Гулу пел. Пел дома, на вечерах в школе № 1 города Сальяны, на праздниках в

багданских лесах возле старого моста через Куру, в часы досуга — на колхозных станах пел, на свадьбах товарищей, в Доме культуры. Крепко прижав к груди тар, пел и свои собственные произведения (их более ста), и песни Фикрета Амирова, Рауфа Гаджиева, Сейда Рустамова, пел мугамы — песни любви. Пел счастливым тем, что живет и трудится на земле, где каждое деревце в колхозном саду, утес, вздыбленный над дорогой, случайный застенчи-

ТВОРЧЕСКАЯ
МАСТЕРСКАЯ

ПЕСНИ ГУЛУ

вый взгляд, оброненный девушкой у родника, рождают строки волнующей песни.

О популярности песен Гулу говорит его почта — десятки писем ежедневно. Из многих районов республики. С одним таким письмом с разрешения Аскерова я познакомился. «Мы с вами не знакомы, — пишет Аскерову врач из селения Хан-Червент Касум-Исмаиловского района Сахиб Гаранов, — но когда по радио или телевидению звучат ваши песни, сельчане спешат поздравить меня. Ибо все считают меня вашим близким другом. Ведь у меня пластинок, где вы выступаете и как певец, и как композитор, свыше пятидесяти. Вот только не знаю, где достать запись мугама «Баяты Каджар», который вы исполняли в советско-турецком кинофильме «Любовь моя, печаль моя»...

В чем же секрет успехов песен Аскерова? В высоком искусстве исполнения, прекрасном знании тонкостей мугамата, широком диапазоне голоса певца, позволяющего ему свободно брать самые высокие ноты. И, конечно же, в любви великой к богатому песенному наследию азербайджанского наро-

да, интересе к фольклору. Даже в хорошо известные мелодии жизнерадостного шура, задумчивой баяты или, скажем, наполняющем сердца печалью сейгах Аскеров старается вносить новые краски: У него свой особый почерк, своя интерпретация песенного произведения.

За своими песнями Гулу часто поднимается в горы, ездит в бескрайние просторы родных сальянских степей. Только среди природы, считает Аскеров, можно услышать птичий щебет, шум листвы и нежный ропот ручейка, похожий на звон струн тара.

Недавно я случайно услышал одну такую песню, рожденную чистыми, словно горный хрусталь, звуками тара и голосом, оттеняющим мелодию цветами радости и грусти. И пока звучала мелодия со строками Самеда Вургун в ней, казалось, что остановилось время:

Ты, девушек, когда
пораньше выйдешь,

У родника
джераньяго увидишь,

Их и меня молчаньем
ты обидишь —

Песня о любви
мила особо мне...

Увидев меня, Гулу смутился. Оборвалась на полуслове песня. Приглушенный пальцами, замолчал, словно обиженный, тар. Лишь ветер продолжал тонко, чуть уловимо звенеть в его струнах.

— Новая песня?..

— Новая... — улыбнулся Аскеров. — Работая над мугамом на слова Самеда Вургун. В них, этих строках, так много лирики, мыслей, философских обобщений. Одновременно пишу песню, посвященную моему славному земляку, Герою Социалистического Труда Сабиру Ахмедову. Без новых песен нельзя в нашем деле. И еще. С композитором Мурадом Кажлаевым задумал на основе мугама «Хумаюн» написать симфоническую композицию. Возможно, поэму...

...Снова пойманной птицей забился, затрепетал в крепких, сильных руках тар. Аскеров, чуть помедлив, запел. И песня, может, самая лучшая из всех, на крыльях эха полетела над землей, чтобы радость наполнять сердца людей.

Ф. ЗАКИЕВ.